

Я влюбился в Кавказ с первой своей поездки в горы в конце семидесятых годов. Боже мой, что это было за благодатное время — спокойное, сытное, дружное. По горам разными маршрутами ходило множество туристических и альпинистских групп. Нам тоже посчастливилось подняться на две вершины. И сколько же необычного, запоминающегося было в этих восхождениях. Мы видели альпийские разнотравные луга; ледники и сочащиеся из-под них ручейки, которые вниз, в ущелье спускаются уже полноводными, грохочущими потоками; обманчивые скалы, которые мы принимали за вершины, а они оказывались всего лишь очередным выступом горной гряды; просторы нетающего, до бетонной плотности утрамбованного белейшего снега; облака, внезапно накрывающие нас влажным и непроглядным туманом, и они же, натыкающие на гребень скал кипели, не в состоянии преодолеть возникшего на их небесном пути препятствия. Сколько же чудесного повидали мы тогда! Сколько пережили радостных минут! Сколько замечательных встреч случалось на маршрутах, в горных селениях.

Основная наша база располагалась в Северной Осетии недалеко от городка Дигора, на берегу реки Урсдон, левого притока Терека. Но после своих путешествий, в конце обозначенного для отдыха времени, на несколько дней нам организовали поездку на берег Каспийского моря близь Махачкалы. Тогда-то я и вдохнул полной грудью совершенно особенный, незабываемый воздух Дагестана. Мы бродили по жарким, шумным улицам приморского города, на рынке толкались между торговых рядов, переполненных южными дарами — зеленью и фруктами, арбузами и дынями, вяленой рыбой и копчёным мясом, ароматным хлебом и терпкими пряностями, сырами и колбасами. Этот город запомнился мне праздничным, доброжелательным, щедрым.

Мне, в свои двадцать с небольшим лет впервые попавшему в эти места, показалось, что я очутился в ином временном измерении, потому что в ресторанах нам подавали незнакомые для меня блюда, вокруг

люди говорили не только на русском, но и на других, непривычных для моего слуха, незнакомых наречиях. Но, казалось, что каждый готов поделиться с тобой всем тем, чем владеет сам — угостить тебя восточными сладостями, сказать тебе доброе слово.

Конечно, по прошествии лет я стал понимать, что это было некритическое, восторженное восприятие незнакомых мест совсем молодым, неопытным человеком. К тому же это были самые «тучные», стабильные, спокойные годы советского периода нашей истории, которые в конце восьмидесятых пренебрежительно назовут «застойными». Но вот прошли многие десятилетия, а я и теперь так же отчётливо, словно это было только вчера, помню то ощущение доброты и праздника, которое поселил в мою душу, которым наградил меня этот удивительный и щедрый город на берегу Каспийского моря, имеющий странное для русского слуха название — Махачкала.

В последний день поздно вечером, наверно, даже ночью, на пляже я по лунной дорожке, призывно мерцающей на покатых боках плавных волн, уплыл далеко в море. Так прощался и с ним, и с этим замечательным песчаным берегом, и с городом, чьи огни ярко горели в вязкой южной ночи.

Когда вернулся назад, на берегу меня уже поджидали два строгих милиционера.

— Вы почему купаетесь ночью. Тут пограничная зона, в это время купаться запрещается. Можем показать вам постановление и оштрафовать.

— Извините, я не знал. Завтра уезжаю домой, вот и решил попрощаться с морем. Может быть, больше никогда сюда не попаду.

Милиционеры подобрали, сразу превратившись в добродушных хозяев.

— Тогда, конечно, ничего. Но всё равно, надо быть осторожным.

И пошли дальше вдоль берега. А я направился к нашему костру, к шумному застолию у палаток, где вместе сидели парни и девчонки, мои ровесники и немногим старше меня из Донецка, Самары, Львова, Саратова, Горького... И нечего нам было тогда делить в нашей общей, могучей стране.

В середине восьмидесятых годов прошлого века Дагестан неожиданно напомнил мне о себе. По работе, разрешать возникшую сложную ситуацию приехал из Махачкалы один аксакал. Он почтительно вошел в мой кабинет. Несмотря на летнюю жару, на голове его была папаха из коричневого каракуля. Я угостил гостя чаем, попросил секретаря проводить его к специалистам, чтобы разрешить все возникшие производственные споры. И они были разрешены к обоюдному удовлетворению. На прощание гость вновь зашёл ко мне, чтобы поблагодарить, и тут высказал некоторое удивление — в других кабинетах его так не встречали...

— Я когда-то бывал в вашем замечательном городе, и он меня встретил как родного. Теперь я рад, что через вас хотя бы немного могу отплатить ему тем же.

Гость был тронут. А вскоре из Махачкалы на моё имя пришла большая посылка с великолепной вяленой рыбой. Мне кажется, что ничего вкуснее той рыбы я не едал.

Но на этом мои связи с прикаспийской землёй не ограничились. Вскоре она мне подарила знакомство с человеком, который стал одним из самых дорогих моему сердцу друзей — Рагимом Мукайловичем Казихановым. Давно, более двадцати пяти лет я считаю его своим истинным братом. Человек невероятно щедрой души, Рагим не единожды встречал меня у себя дома в Дербенте. Мы ездили с ним в горы, путешествовали по побережью, говорили об истории этой удивительной земли. Мне кажется, что впервые о стихах Сулеймана Стальского я узнал именно от Рагима.

Я помню этот древний город разным.

В самом конце восьмидесятых годов, чтобы выразить уважение к гостю, который приехал к уважаемому в городе человеку, на шикарных машинах к нашему застолью подъехали местные бандиты. В конце девяностых я каждое раннее утро просыпался под разносящееся из динамиков по окрестным кварталам пение муэдзина. В конце двухтысячных две недели слышал в открытые окна непрерывный шум беспокойного моря, когда жил на одном из верхних этажей девятиэтажного дома недавно построенного Рагимом Мукаиловичем для жителей города.

Всё, что связано с родной лезгинской землёй — для Рагима свято. Это земля его предков бесконечно дорога ему, любима им. Сам Казиханов, может быть, так возвышенно и не говорит о своих чувствах, но я, что называется — со стороны вижу именно так.

Потому-то, когда нижегородский поэт Николай Тихонов пришёл к нам в издательство с предложением выпустить книгу с новыми переводами Стальского (по словам М. Горького: «Гомера XX века»), сделанные им и поэтом Андреем Тремасовым, я взялся за эту работу с радостью. Книжка «Мои миры» вышла в 2014 году благодаря земляку Сулеймана Стальского Сабиру Тарикулиевичу Алахкулиеву. И вот второе издание, значительно расширенное, дополненное не только новыми переводами стихов классика, но и поэтическими приношениями прикаспийской земле поэтов А. Коломийца, Н. Тихонова, А. Тремасова.

Я не пишу в этом предисловии о самих стихах Сулеймана Стальского. Анализ его поэтического творчества в статье «Вечное возвращение: миры Сулеймана Стальского» великолепно провёл доктор филологических наук, профессор Т.Б. Радбиль. Статья просто замечательная, интереснейшая, читается на одном дыхании.

Не боясь услышать упреки в свой адрес в необъективности суждений, я утверждаю, что этой книге гарантирован успех. Я безоговорочно уверен в её нужности для читателей. Я также буду рад, если она ещё кому-то поможет полюбить эту замечательную землю, как когда-то полюбил её я, и найти на ней верных, преданных друзей.